

Германская военно-политическая элита и Русско-японская война 1904—1905 гг.

Дмитрий Витальевич Лихарев,

доктор исторических наук, профессор кафедры
исторического образования ДВФУ, Владивосток.

E-mail: likharev_dv@mail.ru

В статье анализируется политика Германии в отношении России накануне и во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. Автор утверждает, что, вопреки общепринятой точке зрения, в рядах германской военно-политической элиты не было единства мнений по вопросу вовлечённости России в вооружённый конфликт с Японией. Вильгельм II, рейхсканцлер Бюлов и представители министерства иностранных дел считали, что война будет на руку Германии. А. фон Тирпиц и ряд его подчинённых придерживались мнения, что эта ситуация чревата опасностью для успешного развития морской политики Германии.

Ключевые слова: Русско-японская война, Германия, международные отношения, военно-политическая элита.

German military and political elite and the Russo-Japanese war of 1904—1905

Dmitry Liharev, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of History Education, FEFU, Vladivostok.

The article analyzes the German policy towards Russia before and during the Russo-Japanese War of 1904—1905. The author argues that, contrary to conventional opinion, in the ranks of the German military and political elite there was no agreement on the question of Russia's involvement in an armed conflict with Japan. Wilhelm II, Chancellor Bulow and representatives of the Ministry of Foreign Affairs believed that the war will benefit Germany. A. von Tirpitz and some of his subordinates were of the opinion that this situation is fraught with danger for the successful development of maritime policy in Germany.

Keywords: Russo-Japanese War, Germany, international relations, military & political elite.

Русско-японская война 1904—1905 гг. имела далеко идущие последствия не только для непосредственных участников, но и для геополитической ситуации на европейском континенте. В течение полутора десятилетий, предшествовавших этой войне, в основе европейского баланса сил было противостояние двух военных блоков — франко-русского союза и Тройственного союза. По совокупному военному, экономическому и демографическому потенциалу ни одна из враждебных коалиций не имела решающего превосходства над другой. Это обстоятельство делало исход вооружённого конфликта между ними абсолютно непредсказуемым, что в свою очередь придавало относительную устойчивость европейскому равновесию.

Однако, как писал впоследствии в своих мемуарах высокопоставленный царский дипломат А.П. Извольский, «несчастливая война с Японией не только вызвала ослабление России, но пошатнула всё здание европейской политики» [5, с. 29]. Действительно, вовлечённость России в полномасштабную войну на Дальнем Востоке поставила союзную Францию в крайне опасное положение, оставив её один на один с могущественной коалицией центральноевропейских держав. Такую ситуацию нетрудно было спрогнозировать задолго до начала военных действий в Маньчжурии и на Тихом океане. Не только предвидеть, но и способствовать её возникновению.

Мемуары российских дипломатов и государственных деятелей конца XIX — начала XX в. недвусмысленно свидетельствуют о том, что германская дипломатия приложила огромные усилия, подталкивая Россию к решению дальневосточных проблем силой оружия. При этом особо подчёркивается роль императора Вильгельма II, который вёл интенсивную переписку с Николаем II и регулярно встречался с ним. Посредством этой своеобразной «личной дипломатии» Вильгельм настойчиво побуждал царя к активизации российской экспансии на Дальнем Востоке.

Вот что писал по этому поводу граф С.Ю. Витте: «...Несомненно то, что германская дипломатия и германский император в то время всячески старались нас втянуть в дальневосточные авантюры; он стремился к тому, чтобы отвлечь все наши силы на Дальний Восток и быть спокойным относительно западной границы; это и было им вполне достигнуто...» [1, т. 1, с. 237].

С ним полностью солидарен бывший министр иностранных дел А.П. Извольский: «Наиболее характерным для политики Вильгельма является тот факт, что в тот самый момент, когда он толкал царя на конфликт с Японией, он употребил все усилия, чтобы содействовать заключению англо-японского союза, который укрепил Японию и увеличил шансы на конфликт её с Россией; посмертные записки графа Гаяши, которые были опубликованы в Токио в 1913 году, не оставляют никакого сомнения на этот счёт. С другой стороны, слишком очевидно, что Германия ничего не проигрывала и кое-что выигрывала вследствие войны между Россией и Японией: если бы Россия вышла из этой войны победоносной, она на много лет осталась бы занятой дальневосточными делами, и вся её энергия была бы направлена в сторону подготовки к возможному реваншу со стороны Японии; в случае поражения она была бы ослаблена и унижена. Во всяком случае, влияние Германии пропорционально возросло бы, и её император стал бы арбитром Европы. Так и случилось, и план кайзера великолепно оправдался последующими событиями. Россия пострадала больше, чем кто-либо мог предвидеть» [5, с. 31—32].

Позднее академик Е.В. Тарле в фундаментальном труде «Европа в эпоху империализма. 1871—1919», впервые опубликованном в 1928 г., подтвердил позицию российских дореволюционных мемуаристов: «Подобно

Бисмарку, который в конце 1876 г. при всяком удобном случае толкал Россию к войне с Турцией (и даже говорил о русском национальном достоинстве и т.д.), и Вильгельм в 1902—1904 гг. изо всех сил старался ускорить военное столкновение России с Японией». Правда, при этом Е.В. Тарле сделал существенную оговорку, что «Вильгельму приходилось ломиться в открытую дверь, так как мысль о создании «желтороссии», о завоевании Маньчжурии и Кореи прочно засела в петербургских придворных сферах...» [11, с. 133]. Но суть общего вектора германской политики в отношении России от этого не менялась.

С тех пор такая точка зрения на роль германской дипломатии и лично Вильгельма II в подготовке Русско-японской войны прочно укоренилась в отечественной историографии вплоть до настоящего времени [см. также: 4, 8, 10, 13]. Однако при более детальном рассмотрении этого вопроса выясняется, что ответ на него не столь однозначен. Линия, которой придерживался кайзер в своей «личной дипломатии», была не столь прямолинейной, как об этом принято думать. Накануне и во время Русско-японской войны она подчас выписывала весьма замысловатые зигзаги. Проблема заключалась в том, что механизм принятия внешнеполитических решений в кайзеровском рейхе был достаточно сложным и не исчерпывался ролью профессиональных дипломатов и участием в этом процессе самого императора.

На рубеже XIX—XX вв. в высших сферах большой политики Берлина появляется ещё один влиятельный фигурант — морской министр, адмирал Альфред фон Тирпиц и стоявшее за ним военно-морское ведомство со своими специфическими интересами. «Император Вильгельм, ещё будучи кронпринцем, чертил схемы кораблей и, не имея прямого отношения к Адмиралтейству, завёл себе специального судостроителя, который помогал ему в любимом занятии» [12, с. 85]. Зная об этом увлечении молодого императора, Тирпицу не составило большого труда внушить ему мысль о том, что «будущее Германии на воде», а океанский военный флот должен стать неременным атрибутом германской великодержавности, без которого кайзеровский рейх не сможет занять подобающего ему «места под солнцем».

Очень скоро военный флот становится «любимым детищем» Вильгельма II, на его строительство с конца 90-х гг. отпускаются громадные деньги. Тирпиц, в свою очередь, становится влиятельной фигурой при дворе и в коридорах власти Берлина, к его мнению прислушивается сам император. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать роль А. фон Тирпица в формировании политики Германии в отношении России во время Русско-японской войны и соображения, которыми он руководствовался. Это представляется достаточно актуальной научной задачей, поскольку без военно-морской составляющей представления о германороссийских отношениях указанного периода будут далеко не полными.

Тема активизации российской политики на Тихом океане и цивилизаторской миссии России в Восточной Азии впервые поднимается Вильгельмом II в переписке с Николаем II весной 1895 г. При этом кайзер обещает царю всяческую поддержку со своей стороны: «Я сделаю всё, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке. Ибо несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой жёлтой расы» [7, № 8, с. 8].

С этого времени германский император бурно приветствовал всякий шаг, направленный на расширение военного, экономического и политического присутствия России в Восточной Азии, сопровождая это неумеренными комплиментами в адрес дипломатических и административных талантов Николая II: «Я от всей души поздравляю тебя с достигнутым у Порт-Артура успехом; мы вдвоём будем хорошими стражами у входа в Печилийский залив и внушим к себе достоподобное уважение, особенно жёлтым. Мастерское соглашение по Корее, которым тебе удалось успокоить чувства сердитых японцев, я считаю замечательным образцом дипломатии и предусмотрительности; какое это было счастье, что благодаря твоему великому путешествию, ты на месте смог изучить вопрос Дальнего Востока; теперь, собственно говоря, ты хозяин Пекина» [7, № 20, с. 23].

В июне 1902 г. состоялось свидание двух императоров в Ревеле, к которому приурочили грандиозный военно-морской смотр российского Балтийского флота. По окончании манёвров и торжественных приёмов на отбывавшей яхте германского императора был поднят флажный сигнал: «Адмирал Атлантического океана шлёт привет адмиралу Тихого океана». С.Ю. Витте так прокомментировал этот эпизод: «Как я уже имел случай говорить, император Вильгельм втюрил нас в дальневосточную историю, понимая, что если нас отвлечёт на Дальний Восток, то он развяжет себе руки в Европе, и этим сигналом он продолжил ту же самую характерную комедию» [1, т. 1, с. 337].

В дальнейшем, уже перед самой войной, Вильгельм в своих письмах пытался даже сообщать царю разведанные о военных приготовлениях японцев. Если письмо содержало такую информацию, то кайзер, очевидно, желая настроить своего адресата на серьёзный лад, начинал его со слов «сигнал адмиралу Тихого океана» вместо обычного обращения «милейший Ники» и подписывался «адмирал Атлантического океана» вместо «любящий тебя Вилли» [7, № 46, с. 53].

В целом усилия Вильгельма на поприще «личной дипломатии» полностью совпадали с тем курсом, который проводило в отношении России министерство иностранных дел Германии. В середине января 1904 г., буквально за три недели до начала Русско-японской войны, влиятельный чиновник дипломатического ведомства Фридрих Гольштейн получил пись-

мо от своего непосредственного начальника рейхсканцлера Бернгарда Бюлова. Хотя война между Россией и Японией ещё не началась, в послании о ней говорилось как об уже свершившемся факте. Бюлов предлагал своему подчинённому обсудить следующие вопросы: насколько «полезен» будет предстоящий конфликт для Германии, надолго ли «задержатся» русские в Восточной Азии и переживёт ли войну франко-русский союз. В заключение канцлер выражал сожаление, что в Германии есть люди, которые не видят плюсов этой войны. Первым среди таковых он назвал адмирала Альфреда фон Тирпица [16, Bd. 3, № 818, S. 249—250].

Действительно, и в тот момент, и много лет спустя в своих «Воспоминаниях» Тирпиц выражал «сожаление, что Русско-японская война не была предотвращена». В ходе поездки в Санкт-Петербург германский морской министр в личной беседе с Николаем II пытался предостеречь царя от необдуманных шагов на Дальнем Востоке: «Я воспользовался своим визитом, чтобы предостеречь царя против восточно-азиатской опасности, которую я считал весьма серьёзной, учитывая известный мне декоративный характер русского восточно-азиатского флота. Николай II, который не выносил японцев, ответил, что считает опасность преувеличенной, ибо он настолько силён, что японцы ничего уже не смогут сделать» [12, с. 198].

Чтобы стало понятным, какими соображениями руководствовался Тирпиц в своём отношении к Русско-японской войне, необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать его план развития морской мощи Германии. Морской министр всегда должен был считаться с необходимостью для Германии содержать огромную сухопутную армию. Он прекрасно понимал, что его страна не сможет ассигновать на флот такие же средства, как и Великобритания, имевшая лишь небольшую профессиональную армию и являвшаяся самой мощной в мире державой в финансовом отношении.

Именно исходя из этих обстоятельств, Тирпиц разработал свою знаменитую «теорию риска». Немецкий адмирал полагал, что если Германии удастся создать мощное сбалансированное соединение линейных кораблей в Северном море, столкновение с которым станет для английских эскадр слишком рискованным, оно составит серьёзную угрозу морскому могуществу Англии, особенно, если учесть разбросанность соединений британского флота по отдалённым морским театрам.

Если Великобритания всё же решится на войну и её флот уничтожит германские военно-морские силы, при этом он понесёт такие огромные потери, что ситуацией поспешит воспользоваться какая-либо третья морская держава. По этому поводу Тирпиц писал: «В сущности, каждый военный корабль, строившийся на земле вне пределов Англии, являлся для нас преимуществом, ибо укреплял равновесие сил на море» [12, с. 203]. С другой стороны, обладание боеспособным океанским флотом делало Германию ценным союзником для любой другой морской державы,

которая в обозримом будущем осмелилась бы бросить Великобритании вызов на морях [12, с. 139]. Таким образом, Тирпиц рассматривал создаваемый им мощный военный флот как своеобразное орудие шантажа, инструмент давления, с помощью которого он собирался принудить Великобританию признать право Второго Рейха на «мировую политику», пойти на уступки в колониальном вопросе и т.д. С его помощью Вильгельм II, Бюлов, Тирпиц и прочие собирались опрокинуть существующий порядок вещей и изменить его в пользу Германии.

Однако при всей логической стройности и продуманности «теория риска» имела весьма существенное слабое место. Морская мощь не создаётся в один день, она требует длительного периода кропотливого созидания. В связи с этим возникал вопрос: могли ли колоссальные усилия Германии по созданию военно-морского флота остаться незамеченными Англией, и могла ли она оставаться пассивным созерцателем перед лицом растущей угрозы?

Тирпиц прекрасно отдавал себе отчёт о грозящей опасности. Адмирал вполне допускал возможность превентивного удара со стороны британских военно-морских сил с тем, чтобы уничтожить ещё недостаточно сильный германский флот. В предстоящем созидании германской морской мощи был неизбежен период, который Тирпиц называл «опасной зоной». «Опасная зона» будет пройдена только тогда, когда размеры и мощь германского флота достигнут такой величины, что сделают войну Англии против Германии рискованной. Морской министр полагал, что опасный период Германия пройдёт с меньшим риском, если дипломатия кайзеровского рейха будет воздерживаться от внешнеполитических авантюр и ненужных провокаций в отношении Великобритании. «Положение в моём собственном ведомстве», — писал впоследствии Тирпиц, — «заставляло меня вдвойне осуждать всякие демонстрации на международной арене» [12, с. 216].

Начавшаяся Русско-японская война создавала огромное поле для таких провокаций, в особенности с учётом тех обещаний всемерной поддержки, которые Вильгельм II щедро раздавал Николаю II. Становится понятным, почему известие о начавшейся войне между Россией и Японией Тирпиц встретил без всякого энтузиазма.

Командующий германской Восточно-азиатской эскадрой контр-адмирал К. Притвиц ещё 7 января 1904 г., более чем за месяц до начала военных действий на Дальнем Востоке, получил из Берлина строжайший приказ ни при каких обстоятельствах не позволять втягивать себя в конфликт. После первых нападений японского флота на русские корабли в Порт-Артуре и Чемульпо приказ был продублирован [17, S. 114].

Инструкции из Берлина ставили Притвица в двойственное положение. С одной стороны, его эскадра должна была «показывать флаг» и обеспечивать безопасность граждан Германии в регионе. С другой сто-

роны, Притвиц прекрасно понимал, что любой его просчёт может спровоцировать если не военное столкновение, то крупный дипломатический скандал с обвинениями в нарушении нейтралитета. После недолгих размышлений Притвиц решил прекратить передвижения своих кораблей в зоне боевых действий, о чём уведомил начальство в Берлине и германского посла в Токио [14, с. 53—54].

Полгода спустя германский нейтралитет подвергся действительно серьёзному испытанию. Ранним утром 28 июля 1904 г. Порт-Артурская эскадра двинулась на прорыв во Владивосток. В полдень она начала решающее сражение с преградившим ей дорогу японским флотом. К вечеру того же дня, после многочасового боя и гибели командующего, русские корабли повернули назад, так и не выполнив поставленной задачи. Однако не всем из них удалось вернуться в Порт-Артур.

Днём 29 июля на рейде германской военно-морской базы в Циндао появились крейсер «Новик» и миноносец «Бесшумный». Уже в сумерках рядом с ними бросил якорь флагман 1-й Тихоокеанской эскадры броненосец «Цесаревич». 30 июля к ним присоединились миноносцы «Бесстрашный» и «Беспощадный». Появление пяти русских военных кораблей, в том числе «Цесаревича», своей мощью и размерами многократно превосходившего любой из крейсеров Притвица, повергло в шок германскую администрацию Циндао и командование Восточно-азиатской эскадры. 29 июля российский представитель в Чифу телеграфировал в Петербург, что стоявший там германский крейсер немедленно снялся с якоря и на всех парах ушёл в Циндао, поскольку там с часу на час ожидали нападения японского флота [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 4].

Губернатор Циндао А. Трумпель немедленно собрал совещание, на котором было решено обратиться за инструкциями в Берлин. Первые дни пребывания российских кораблей в Циндао стоили нервов и Тирпицу, и дипломатам на Вильгельмштрассе. В конце концов Трумпелю приказали руководствоваться международным морским правом. Согласно действовавшим на тот момент нормам, корабль воюющей стороны имел право находиться в нейтральном порту до восстановления мореходности, после чего в течение 24 часов ему надлежало либо покинуть своё убежище, либо интернировать. Интернирование означало выгрузку на берег топлива и боезапаса, снятие замков с орудий, а также списание на берег большей части экипажа. В таком виде корабль оставался до окончания войны. После подписания мира его возвращали государству-владельцу.

По истечении положенных 24 часов «Новик» покинул Циндао. Крейсер ушёл навстречу своей гибели, даже не завершив погрузку угля. «Цесаревич» и миноносцы остались. Комиссия из немецких военных моряков произвела тщательный осмотр русских кораблей. Тюменский историк С. П. Шилов изучил текст отчёта этой комиссии, хранящийся в Федеральном военном архиве ФРГ в г. Фрайбурге, и опубликовал содержащиеся

в нём данные. Осмотр показал, что в сражении 28 июля «Цесаревич» получил серьёзные повреждения. Немцы насчитали 15 попаданий 305 мм снарядов помимо повреждений от снарядов более мелкого калибра. На броненосце серьёзно пострадали верхняя палуба, главный броневой пояс, боевая рубка, дымовые трубы, котлы. Имелись две подводные пробойны, через которые корабль принял 150 т воды. Практически все оставшиеся в живых офицеры имели ранения разной степени тяжести. В числе тяжело раненных были начальник штаба эскадры контр-адмирал Н.А. Матусевич и командир корабля капитан 1 ранга Н.М. Иванов. Командование броненосцем осуществлял старший офицер капитан 2 ранга Д.П. Шумов. Команды миноносцев, по свидетельству немцев, находились в тяжёлом моральном и физическом состоянии, а материальная часть кораблей была сильно изношена [14, с. 58—59].

Поначалу ситуация развивалась для русских кораблей вполне благоприятно. 31 июля Труппель распорядился перевести их во внутренний бассейн с тем, чтобы обезопасить от возможного нападения японцев. 1 августа губернатор Циндао объявил, что «Цесаревичу» разрешается шестидневная стоянка. За это время немцы собирались осуществить ремонт, необходимый для полного восстановления мореходности (но не боевой мощи) броненосца. Миноносцам разрешили остаться до полуночи с 3 на 4 августа.

Однако буквально на следующий день, 2 августа, немецкая любезность резко переменилась. В 10 утра командирам российских кораблей объявили, что получен приказ за личной подписью кайзера Вильгельма II, в 11 утра спустить флаги и начать разоружение. Д.П. Шумов немедленно телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, что вынужден приступить к разоружению, так как не имеет возможности выйти в море [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 15].

В положенное время флаги были спущены, началась выгрузка угля и боезапаса. Немцам передали замки от 75 мм пушек, детали замков от башенных орудий и детали от механизмов главной силовой установки. На берег свезли винтовки и револьверы, оставили 50 винтовок для несения караульной службы. Командам разрешили остаться на кораблях. Всякое «неделовое» общение запретили. Связь между кораблями осуществлялась только для передачи почты, доставки питания, нужд больных и раненых. Позднее Труппель разрешил отпускать в город в увольнение по 100 матросов в день с «Цесаревича» и по 10 — с миноносцев. С заходом солнца им надлежало возвращаться на корабли. Офицерам оставили личное оружие, но с них взяли подписку о невыезде из Циндао без разрешения германского правительства [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 42, 49]. На этом война для четырёх русских кораблей и их экипажей закончилась.

Вплоть до 2000-х гг. инцидент с интернированием «Цесаревича» и трёх миноносцев в Циндао и его влияние на российско-германские отношения в отечественной историографии подробно не изучался. Историки

Русско-японской войны ограничивались констатацией факта. В настоящее время на эту проблему существуют две противоположные точки зрения. Первую представляет известный Санкт-Петербургский историк военного флота Р.М. Мельников. В монографии об эскадренном броненосце «Цесаревич» он с нескрываемым возмущением пишет о решении германского руководства интернировать русские корабли, характеризуя его как «исключительное вероломство». Автор гневно осуждает Н.А. Матусевича, который «...не пытался даже объяснить немцам неразумность их требований» [6, с. 88].

Профессор С.П. Шилов придерживается противоположного взгляда. Он считает, что своим решением Германия продемонстрировала «строгое соблюдение норм международного права», которое при этом не противоречило и не отменяло общего лояльного и сочувственного отношения к России во время Русско-японской войны [14, с. 60].

По поводу этой заочной дискуссии можно сказать следующее. «Неожиданное решение об интернировании российских кораблей Вильгельм II принял явно под давление Тирпица. Р.М. Мельников утверждает, что, выполняя первоначальное намерение в течение 6 дней отремонтировать «Цесаревича» и выпустить его в море, высшее руководство в Берлине ничем не рисковало, поскольку «ссориться с Германией в планы японцев не входило и на захват броненосца они не покушались» [6, с. 88]. Однако то, что выглядело само собой разумеющимся для Петербургского историка в 2000 г., было отнюдь не столь очевидным для Тирпица и его подчинённых в 1904 г. Перед глазами немцев имелся свежий пример того, как относится японское командование к правам нейтралов. Незадолго до описанных событий командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт отправил на прорыв из крепости миноносец «Решительный» с важным донесением. Выполнив задание, командир миноносца лейтенант С.М. Роцаковский решил, что у него нет шансов прорваться обратно в осаждённый Порт-Артур, и повёл свой корабль в Чифу, где «Решительный» был интернирован китайскими властями. Буквально на следующий день два японских миноносца, в грош не ставя китайский нейтралитет, вошли на рейд Чифу, взяли безоружный русский миноносец на бордаж и увели его на буксире. После войны в сборнике статей скандально известного публициста Н.М. Португалова этот случай охарактеризован как «расправа грубого мужика с рыхлой бабой» [3, с. 50].

3 августа 1904 г., на следующий день после того, как пришёл приказ о немедленном разоружении русских кораблей, в 32 милях от Циндао бросила якорь эскадра контр-адмирала С. Дева в составе 4 броненосных крейсеров и 4 миноносцев [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 33]. Японский командующий направил миноносец с представителем своего штаба на борту прямо в порт. Проведя короткие переговоры с Труппелем и убедившись, что разгрузка «Цесаревича» и миноносцев идёт полным ходом,

японцы удалились. В свете этих событий стремление Тирпица оградить Трумпеля и Притвица от ампулы очередной «рыхлой бабы» становится вполне объяснимым.

Что касается С.П. Шилова, то в подтверждение своей точки зрения он указывает на подчёркнуто лояльное отношение германских властей в Циндао к интернированным командам. Некоторое время спустя немцы разрешили раненым и больным морякам уехать для лечения в Россию. Тирпиц даже написал личное письмо контр-адмиралу Н.А. Матусевичу с пожеланиями скорейшего выздоровления [14, с. 60]. Дальше всех пошёл, конечно, кайзер, который в очередном письме Николаю II представил интернирование русских кораблей в Циндао как великое благодеяние: «Если бы твоим судам при их последней попытке прорваться из Порт-Артура не удалось из-за повреждений в битве достичь Владивостока, то лучше всего для них было бы попытаться пройти в Тсин-Тау, там они были бы в сохранности до конца войны, вместо того, чтобы быть взорванными или потопленными; мы позаботимся также и о „Цесаревиче“ и о миноносцах» [7, № 57, с. 64].

Таким образом, словесных демонстраций солидарности с Россией можно обнаружить более чем достаточно, и Тирпицу приходилось зорко следить за тем, чтобы демонстрации германо-российской дружбы не выходили за рамки международных правил нейтралитета. Ещё два эпизода, чреватых международным скандалом, были связаны с отправкой на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием З.П. Рожественского.

Едва решение о формировании 2-й эскадры получило высочайшее одобрение, её будущий командующий официально предложил германскому военно-морскому атташе в Санкт-Петербурге отправиться вместе с ним на Дальний Восток на флагманском броненосце «Князь Суворов». Капитан цур зее Пауль фон Гинце мог считаться личностью незаурядной во многих отношениях. Профессионал высочайшего класса, образованный, с блестящими манерами и невероятной способностью заводить знакомства, он был вхож во многие великосветские салоны Санкт-Петербурга. Однако за светской обходительностью скрывался циничный и расчётливый карьерист с огромными амбициями, готовый ради служебного успеха на любые авантюры.

Гинце мгновенно оценил перспективы, которые сулило ему предложение Рожественского: совершить беспрецедентное плавание через три океана, стать свидетелем грандиозных событий, приобрести бесценный боевой опыт. Всё это автоматически конвертировалось в награды, внеочередные звания и эксклюзивный статус крупнейшего эксперта по русскому военному флоту. Он немедленно телеграфировал в Берлин своему непосредственному начальству, буквально умоляя отпустить его в опасное плавание. Гинце многословно доказывал, что предложение Рожест-

венского предоставляет редкий шанс узнать побольше о русском флоте изнутри, что после ухода боевых кораблей из Балтийского моря военноморскому атташе фактически нечего делать в Санкт-Петербурге, не забыв при этом попросить, чтобы на его место не назначали другого офицера [15, S. 132—133].

Сообщение Гинце заставило Тирпица крепко задуматься. Расчёт российской стороны был понятен: присутствие высокопоставленного немецкого офицера на флагманском корабле 2-й Тихоокеанской эскадры могло бы стать впечатляющей демонстрацией поддержки со стороны Германии в условиях, когда Франция фактически отвернулась от своей главной союзницы. Но Тирпица интересовало не это. Для военных моряков «чужая» война — бесценный источник информации о реальном боевом применении кораблей разных типов и новейшего морского оружия.

Из всех иностранных военных наблюдателей японцы разрешили находиться на кораблях действующего флота только представителю союзной державы капитану британского флота Уильяму Пэкинхему. Германского военноморского атташе капитана цур зее К. Труммлера на морской театр военных действий вообще не допустили. Однако, несмотря на то, что Труммлер почти всю войну провёл при Морском генеральном штабе в Токио, его донесения в Берлине ценились очень высоко.

Пэкинхему же удалось собрать поистине уникальный материал. Он провёл 14 месяцев подряд на броненосце «Асахи», не сходя на берег даже когда его корабль находился на стоянке, из боязни, что эскадра Того может неожиданно сняться с якоря и уйти в поход, оставив его на суше. Пэкинхем был единственным европейцем на огромном корабле в обществе 900 японских матросов и офицеров. Англичанин стал свидетелем почти всех более или менее значительных операций японского флота против Порт-Артура и 1-й Тихоокеанской эскадры, и, конечно же, Цусимского сражения.

Пэкинхем снискал большое уважение у японских моряков. Всегда пунктуальный и собранный, немногословный, в безупречно отглаженном мундире, с непроницаемым лицом и неизменным моноклем в глазу, английский офицер вполне соответствовал канонам самурайской чести. Даже адмирал Того отметил его мужество. Во время жесточайшего сражения между японским флотом и 1-й Тихоокеанской эскадрой 28 июля 1904 г. среди грохота взрывов, свиста осколков и снарядов Пэкинхем продолжал оставаться на мостике «Асахи», шедшего вторым в колонне Того, и невозмутимо делать пометки в своём блокноте. Перед отбытием на родину он удостоился аудиенции у японского императора.

По понятным причинам британское морское командование не спешило поделиться со всеми уникальной информацией, собранной Пэкинхемом. Полные тексты его донесений надолго осели в недрах Адмиралтейства. Информационный вакуум породил у некоторых современников

стремление «демонизировать» фигуру британского военно-морского атташе. Тирпиц в своих мемуарах со всей серьёзностью утверждал, что во время решающего сражения 28 июля был момент, когда адмирал Того уже собирался прервать бой, не суливший ему решающего успеха. И только «англичанин, находившийся при его штабе», убедил японского командующего «держаться до конца», из чего Тирпиц заключил, что «этим поражением русские обязаны англичанам столько же, сколько японцам» [12, с. 198].

Понятно, что британский наблюдатель не мог давать японскому командующему такие ценные советы хотя бы уже потому, что они находились на разных кораблях. Но в данном случае для нас важнее другое: Тирпиц продолжал в это верить даже в 1919 г., когда писал свои «Воспоминания». Возможно, в 1904 г. он строил какие-то расчёты на то, что и Гинце суждено сыграть некую выдающуюся роль в судьбе 2-й Тихоокеанской эскадры. Судя по «Воспоминаниям», Тирпиц одобрил инициативу германского военно-морского атташе в Санкт-Петербурге [12, с. 198]. Однако в последний момент Вильгельм II наложил вето на эту командировку, справедливо сочтя её слишком опасной и к тому же нарушающей принципы германского нейтралитета.

Таким образом, эскадра З.П. Рожественского отправилась в поход без Гинце. Вильгельм II всячески приветствовал решение царя послать на Тихий океан новую эскадру и тем самым попытаться внести перелом в неудачный для России ход войны: «Нет сомнения, что появление свежего сильного флота, многочисленного — хотя бы в состав его и входило несколько более старых судов — даст хороший результат и решит сражение в твою пользу. ...Тогда преобладание на море окажется опять в твоих руках, и сухопутные силы Японии будут в твоей власти» [7, № 58, с. 66—67].

Осенью 1904 г. до кайзера дошли слухи, что в Петербурге обсуждается вопрос об отправке на Дальний Восток кораблей не только Балтийского, но и Черноморского флота. Вильгельм немедленно пишет Николаю письмо с подробными рекомендациями по осуществлению этой авантюры в нарушение международной конвенции, запрещавшей выход боевым кораблям российского Черноморского флота в Средиземное море. «Шебеко сообщил мне о твоём намерении послать Черноморский флот на соединение с Балтийским и просил меня высказать моё мнение по этому поводу. Признаюсь, я давно ждал выполнения этого плана. Это вполне правильная мысль с военной точки зрения и, приведённая в исполнение, обеспечит победу. Что касается того, как лучше действовать, то, основательно обдумав этот вопрос и наведя справки, я пришёл к следующему выводу. Самое лучшее было бы молча и не торопясь приготовить флот, не говоря ни единого слова кому бы то ни было или какой бы то ни было державе о твоём намерении. Затем, в подходящий, по твоему мнению,

момент спокойно и гордо плыть через Дарданеллы. Мы с тобой можем быть вполне уверены, что со стороны султана ты не встретишь и тени сопротивления, а когда вы их пройдёте, мы все окажемся перед *fait accompli* (свершившимся фактом) и примем его с полным спокойствием. Я нисколько не сомневаюсь в том, что и Англия смирится с ним также, хотя печать будет неистовствовать с пеной у рта, а эскадры их немножко покрейсуют, как это всегда делается в Средиземном море. Но они не предпримут ничего серьёзного, если увидят, что все прочие державы остаются спокойными. Вся суть в том, чтобы это случилось внезапно и совершенно неожиданно и застало весь мир врасплох, т.е. чтобы тайна не была раскрыта преждевременно» [7, № 59, с. 68].

В итоге Николай II так и не решился воспользоваться хитроумными советами своего венценосного коллеги. Несколько месяцев спустя Цусимская битва поставила окончательную точку в Русско-японской войне. Третья в мире морская держава в одночасье лишилась своего флота, потеряв лучшие боевые корабли и более 10 тыс. моряков погибшими и попавшими в плен. После этого поражения России всем без исключения стало ясно, что война с Японией проиграна бесповоротно. По итогам событий в Корейском проливе Вильгельм с чувством исполненного долга направил царю послание с многословными соболезнованиями и настойчивыми рекомендациями поскорее заключить мир.

Таким образом, из цитированных выше документов следует, что и Вильгельм II, считавший эскалацию конфликта на Дальнем Востоке выгодной для Германии, и Тирпиц, который вовсе не был в этом уверен и потому сочувствовал России более искренне, выражали свою солидарность только неофициальным путём — в личной переписке или при личных встречах с представителями российской военной или политической элиты. Как только дело доходило до необходимости решать какие-то более осязаемые проблемы, будь то судьба интернированных в Циндао российских военных кораблей или вопрос о командировании германского военно-морского атташе с эскадрой З.П. Рожественского, они всякий раз отступали на позиции строгого нейтралитета. Причина была проста — они тщательно избегали любых поводов для конфронтации с Англией.

Когда Русско-японская война только началась, германские аналитики из военно-морского ведомства просчитали все возможные варианты и пришли к выводу, что в быстром окончании войны не заинтересована прежде всего Великобритания. Именно Англия будет добиваться сокрушительного поражения России и окончательного вытеснения её из Китая и Маньчжурии. Одновременно затяжная война поставит Японию в полную финансовую зависимость от своей союзницы.

Однако уже в апреле 1904 г. в Берлин стали просачиваться слухи о том, что на берегах Темзы вовсе не желают безоговорочной победы «жёлтому человеку». Появились первые признаки того, что Лондон

готов к улучшению отношений с Россией. В Берлине долгое время отказывались этому верить. Однако Гульский инцидент развеял последние сомнения Вильгельма II и Тирпица. Несмотря на бурные страсти в британской прессе и грозные заявления отдельных английских адмиралов, буквально несколько дней спустя Лондон и Петербург пришли к взаимоприемлемому компромиссу, и эскадра Рождественского беспрепятственно продолжила свой путь [3, с. 187—196]. Зато первый морской лорд Дж.А. Фишер после событий в Северном море внёс существенные изменения в свой проект перераспределения сил британского флота. С этого времени английское морское командование начало концентрировать свои лучшие корабли в водах метрополии, постепенно сокращая военное присутствие на отдалённых морских театрах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары: в 2-х т. М.: Харвест, АСТ, 2001.
2. Грибовский В.Ю. Личный состав российского флота в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Синдром Цусимы: сб. статей / под ред. Л.И. Амирханова. СПб.: Цитадель, 1997. С. 68—78.
3. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рождественский. СПб.: Галлея Принт, 1999. 280 с.
4. Зелев В.В. Германо-русские отношения в июле — ноябре 1903 г. // Проблемы истории внешней политики империалистических государств / под ред. С.С. Григорьевича. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 63—71.
5. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. 192 с.
6. Мельников Р.М. «Цесаревич». Часть 1. Эскадренный броненосец. 1899—1906. СПб., 2000. 136 с.
7. Переписка Вильгельма II с Николаем II / под ред. М.Н. Покровского. М.: Госиздат, 1923. VIII, 212 с.
8. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 695 с.
9. РГА ВМФ (Росс. гос. архив военно-морского флота). Ф. 417. «Главный морской штаб». Оп. 1. Д. 3081.
10. Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897—1903. М.: ИВИ РАН, 1998. 229 с.
11. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871—1919 // Собр. соч. Т. 5. М.: Наука, 1958. С. 21—509.
12. Тирпиц А. фон. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 656 с.
13. Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2005. 496 с.
14. Шилов С.П. Русско-японская война и германское военно-морское ведомство // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 52—68.
15. Hintze P. von. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretar. Dokumente einer Karriere zwischen Militar und Politik/ 1903—1918./Hrsg. von J. Hunter. Munchen: Boldt im Oldenburg-Verlag, 1998. 754 S.
16. Holstein F. von. Die Geheimen Papiere Friedrich von Holstein. 4 Bde. Göttingen: Deutscher Verlag, 1956—1963.
17. Hubatsch W. Der Admiralstab und die Obersten Marinebehörden in Deutschland. 1848—1945. Frankfurt — a/M.: Bernhad & Graefe, 1958, 269 S.